

**УРОКИ ДУХОВНОСТИ В ПИСАТЕЛЬСКОЙ СУДЬБЕ
Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА.**

Имя классика американской литературы Ф. С. Фицджеральда сегодня известно не многим, хотя его романы «Ночь нежна» и «Великий Гэтсби» несомненно бестселлеры, не сдавшие позиций и по сей день. В атмосфере нынешней бурной ломки одного уровня мировоззрения и абсолютной неясности грядущего идеала читающая публика, в том числе и интеллектуально-профессиональная, отходит от классических образов в поисках более острых тем и неординарных решений, часто не осознавая, что ситуация «исторической спирали» дублирует нравственно-этическую модель прошлых веков, отразившуюся в литературных примерах. Главная трудность переломного момента заключается в том, что облик нового непредсказуем и невозможно выдать какие-либо указания или авансы, способные поддержать сознание в минуты кризиса. И тем не менее, существуют такие «вечные уроки», вечные темы и ценности, обращение к которым неизбежно. Главной ценностью христианского мировоззрения, к которой, как правило, тяготеет европейская культура, остается тема духовных начал человеческой личности и роли духовности в жизни общества в целом, либо отдельной судьбы, что в первую очередь имеет прямое отношение к Ф. С. Фицджеральду.

Трудно представить в истории всемирной литературы вторую столь показательную судьбу, как взлет и падение Фицджеральда—писателя, на котором великая Америка безжалостно поставила ослепительный по своей клинической абсолютности эксперимент. Вознесенный в двадцать лет на вершину славы, признанный кумир «эпохи экономического бума», Фицджеральд

на себе испытал всю недолговечность писательской популярности, непостоянство поклонников, оказавшись в положении «неудачника», мимо которого промчалась слава, от которого отвернулась публика, кого осмеяли близкие друзья.

Головокружительная история о том, как молодой честолюбец, не осиливший барьера высшего образования, не имеющий отпавшего наследственного капитала проснулся в одно утро знаменитым, пресса подавала как типичный американский образец исполнения мечты. Факты были так удачны, что и сам Фицджеральд считал себя тем самым счастливым случаем, которым живет любой американец со времен освоения Зеленого Острова. В эссе «Крушение» Фицджеральд писал: «Я вдруг сделался мало сказать выразителем эпохи, но еще и типичным ее порождением». Вероятно, поэтому причины его падения долгое время озадачивали любого, кто обращался к личности Фицджеральда и его карьере.

Показательность «случая Фицджеральда» в полной мере стала ясна с позиций позднего времени, когда к его книгам и исповедам вернулись критики и читатели в поисках того, что было утрачено в блистательном «веке Процветания». При тщательном анализе пристрастные аналитики нашли причину быстрого успеха Фицджеральда, притягательность которого возродилась четверть века спустя после его смерти. В литературе, посвященной наследию Фицджеральда, эта причина обозначена как «ностальгия по духовности».

Духовность—весьма емкое понятие, многозначное, в него при необходимости вкладывается тот смысл, который требуется для частной темы рассуждения. Проследить путь понятия от античного понимания духовности как одушевленного синкретического слияния с природой через средневековое схоластически-религиозное искание духа—души в брэнной материальной оболочке до понимания классического (XIX в.) духовности как духовного богатства личности (интеллект, гармония, образование, добро и т. д.) было невероятно интересно. Однако урок судьбы американского прозаика Фицджеральда требует более узкого решения темы: в «эпоху процветания» в США духовность понималась как альтернатива пошлости накопительства, жажде успеха и денег любой ценой. Крикливая, необразованная, как по волшебству разбогатевшая Америка столкнулась с проблемой поиска смысла человеческого бытия. Фицджеральд на себе испытал перипетии бездумного существования: писательский труд казался со стороны нестоящим, легким занятием; удача, мыслилось, доставалась ему даром. Гигантский труд, лежащий под этим, остался неоцененным. Собираемый портрет поколения Фицджеральда Дик Дайвер («Ночь

нежна») продемонстрировал процесс разложения личности и утраты идеалов под воздействием ложной жизненной позиции: отсутствие цели, активного созидательного действия и, самое главное,—распадения духовной целостности личности, системы нравственных ориентиров, что в XX веке все очевиднее входит в границы понятия «духовность». Для Фицджеральда утрата духовности вылилась в острый душевный кризис, причины которого заложены в стилистике его эпохи.

Одной из постоянных примет мировоззрения Фицджеральда—его подчеркнутая аполитичность. В мире гремели революции, классовые бои плодили тучные жертвы, рождался новый, страшный в своей одержимости век—а герои Фицджеральда, как и он сам, порхали легкокрылыми бабочками в поисках удовольствий. Если оценивать этот факт с точки зрения «легенды», которой был для его эпохи Фицджеральд,—ничего удивительного в этом нет. Фицджеральд писал: «События 1919 года внушили нам скорее цинизм, чем революционные стремления, хотя теперь все мы то и дело принимаемся шарить по своим сундукам в поисках невесты куда исчезнувшего флага свободы... и русской мужицкой рубахи, тоже пропавшей. Век Джаса отличался тем, что не испытывал решительно никакого интереса к политике». Анализируя причины своей катастрофы в эссе «Осторожно! Стекло!» (1936), Фицджеральд как главнейшую из них обозначил все ту же полуинфантильную—полуциничную неспособность реально оценить окружающую общественную ситуацию: «Политических взглядов все эти десять лет у меня, в сущности, не было, а если в своих произведениях я касался политики, то с единственной целью—внести в них элемент иронии. Когда же я снова начал интересоваться общественной системой, в которой мне надлежало жить и работать, объяснил мне ее человек куда моложе меня, объяснил увлеченно и нетрафаретно. Подобные признания сами по себе не стоили бы дорого, если бы сказанное не подтверждали бы произведения Фицджеральда. Его герои—все, что угодно: студенты, миллионеры, клерки, философы, только не фигуры, обозначенные сквозь призму политики. Может быть, тайна краха Фицджеральда и таится в этой лежащей на поверхности и потому и незамеченной причине? Не случилось ли так, что в период острейшей перестройки общественного уклада и сознания, когда Америку сотрясали события первой мировой войны, затем коллизии социального характера, величайшего экономического кризиса 1929 года, Фицджеральд просто оказался незлободневным со своими мятущимися философствующими эгоистами?

Герой Фицджеральда—во многом повторяющий самого автора—явление для американской литературы столь же неожидан-

данное, сколь и характерное. С первым же романом «По эту сторону рая», ставшим бестселлером, определились черты такого героя—««дряблость», полуинтеллигентность и расслабленность, которую приходится делить со своим поколением» (Фицджеральд). Но «моделью» для последующих поколений герой Фицджеральда стал не потому, что обнажил механизм определенного психологического типа в особый период жизни страны. Неожиданность и привлекательность персонажей Фицджеральда заключена в той специфической, только Фицджеральду присущей точности, с которой он уловил и изобразил новую Америку и ее будущее—молодежь. Одной из первых этот факт отметила Г. Стайн, считавшая, что роман «По эту сторону рая» открыл читателям новое поколение».

Иначе говоря, Фицджеральд заставил Америку посмотреть в зеркало, которым стали для страны его произведения. Занятая проблемами накопительства, «эпоха процветания» пренебрегла духовностью; финал оказался трагическим. «Творчество рождается из нравственности»,—утверждал Х. Кортасар. Нравственность не может быть предметом накопительства, из нее нельзя сделать «бизнес». Однако материальная сторона человеческого бытия неразрывно связана с проблемами целостности духа, нравственной гармонией. Уязвленная духовность не восстанавливается материальным благополучием; материальный успех сам по себе не служит гарантией духовного прогресса. Такой урок извлек для себя Ф. С. Фицджеральд; этот урок с благодарностью восприняла для себя Америка. Он по-прежнему является злободневным для осмысления и выполняет воспитательную функцию редкого уровня трагизма и убедительности.